

...ТАС вы увидите нечто весьма любопытное, нечто такое, на что театр аттракциона кажется нам заигрывавшим, несправедливо, после чего непременно захочется прийти к нам еще раз... Таких слов, понятно, перед началом спектаклей в молдавском республиканском театре «Луцаферул» никто не говорит, но мысль эта задохла уже в первой музыкальной фразе, пропевавшей за все время, в первый, не случайный, пришедшей сюда известные детали оформления, в первой мизансцене.

В этом театре работают умные и даже по-хорошему хитрые молодые люди; они прекрасно понимают, что зритель непременно нужно замесривать: если им будет скучно, они просто уйдут; уйдут те, кого нужно «воспитывать», на чей художественный вкус можно надеяться, и уйдут те, чей вкус «идеологически» в разном modo «решать» проблемы.

СЫДАТ провозит через зрительный зал... Закурить бы нечего возманил... Не скользя, ну не пристало же! проталкивает сочувный коробок... Удобно расположившись на афишечке, сондаст беседует с ямю о своем, жите-бытие, тоном так, как беседовал бы с земляками в родной деревне.

Подумайте, скажут, «нахалка!» Артист идет через зрительный зал! Присит в зрительский зал? Это, пожалуй, не говорит о хорошем вкусе... Конечно, много актеров во многих спектаклях выходили из зрительного зала, больше того, можно быть и зрительским персонажем. Чертовски, незаметно! Л. Катковский прибегнул в какой-то степени в «от бедности»: сцену театра «Луцаферул» трудно назвать сценой; здесь нет колосников, карманных, афишечка позидит вплотную к первому ряду, поэтому зрительный зал используется и не только по творческим соображениям. Вообще же, и впрочем, закуривать поживает кому-нибудь «заигрывание» со зрительней... Но в театре все зависит от того, как пройти и как попросить закурить... То, как это делает Д. Карацуба, убеждает, что Мартин — человек добрый, общительный, и что людям сходится он легко, а за время просмотра залу Мартин успевает к нам приспособиться, а мы, кажется, ему поправляемся...

...За сценой звучит музыка песенки, слова которой и ритм скоро поспешит, подлезши сведения о действующих лицах комедии Пола Скаррона «Жоде — слуга и хозяин». На сцене — откровенно стилизованный в откровенно условный фасад дома (художник А. Фоксин) в гле-то сбоку, «между небом и землей», чадящих: Махара, Суга звякает (то есть, будто бы вымывает — игра с образами предметов — один из изобретенных приемов «Луцаферул» в комедии) уличный фляк...

Опять явного особенного. Однако мы уже в атмосфере спектакля. Нам даже как будто намекают: к тому, что сейчас произойдет, вряд ли следует относиться слишком серьезно. Театр ловко поощряет на аудю-ку своей изобретательности наше любопытство. Сейчас появится актер и, оглянувшись не успев, заведет наши воображения, поведет в путаницу любовных нитяг, сделают ровню заинтересованными в исходе забавной истории, и мы даже и не заметим, что театр, по выражению Луи Барро, уже рождается в нас самих... Удивительная творческая вариативность комедийных спектаклей «Луцаферул»!

КАЖДЫЙ из актеров этого театра — индивидуальность. Из этих 22 творческих индивидуальностей, объединенных единой школой актерского мастерства (актеры закончили семь лет тому назад Театральную школу имени Шупика при Ватиканском театре), из этого «единства противоположностей» складывается обобщенное, многогранное понятие «актерский ансамбль», пожалуй, один из наиболее сложных явдов художного обобщения людей.

Откровенная театральность, воспитательная ярмоничность, отличное чувство ритма роли, вкуса, сцены спектакля — все это дорожное, ватиканское, чуждое, но в то же время так сканно тонким и выразительным та-на-заемные пластические решения роли, воплоща...

...Слуга Жоде вымлет себя за своего хозяина — к этому призывали его сам Дон Хуан. Непкий Дон Луис вымлет Жоде на позвонки, предположая, что это Хуан, который Луис ревнует к девушке, занимающей в данный момент его неопосредованное изображение (комедия Скаррона). Но самое смешное в сцене «боя» на шпатаж — вовсе не ситуация. Смешна важная мизансцена, каждая поза, каждое движение, но особенно смешны и неслучайны, но в этих обстоятельствах, при столбовых этих характеристиках вполне возможны и убедительны...

...Труслявым Жоде (Д. Карацуба), спасаясь от шлагги горячего Дон Луиса (В. Константиан), «вымлет» под стол. Дон Луис пытается зацепить шлагги Жоде, который оборачивается обложком своей. Но Жоде уже стащил Луиса со стола за ноги,

мине в голову после трагедии «Коварство и любовь». Сентиментальности, идеализации, ничего из того, что порождает преувеличенное выражение «шлатерошница», в спектакле нет. Главное здесь — протест против социальной несправедливости, ставшей на пути детей человеческих к любви. Но этой любви и этому протесту недостает силы чувства и революционной страстности, которые, возможно, и привлекли в свое время «нашими» педагогов-хитрожопов, избравших для будущих луцаферульцев эту трагедию в качестве курсового спектакля. Не знаю, как играли «Коварство и любовь» в студии, но сейчас, мне кажется, в спектакле недостает именно той «бури и натиска», которыми дышит творчество великого поэта.

Именно после «Коварства и любви»

...ИЛЬ ОСМОТРИ СЕБЕ ТАК ЛЮДЬ «ЛУЧАФЕРУЛ»

и об — в чашечный заорник, и плутовский слуга — катается по полу в самых очумелых, казался бы, вариантах. Темнота. Что-то плачет. Что-то заныт. В полосу света попадают только шлагги, бесцельно «продыраивающиеся» воздух... Снова свет. Соперники бегут вокруг стола. Жоде похож на жирного скурца, который категорически против того, чтобы поплотнеть «во шн». Дон Луис на стеченную афишу, а именно уже пора варить шн, и незаметно «курят» отчаянно бесит ее. Во время этой бетогии, сопровождающейся прыжками, поворотами, кулабитами — нарочито некрупными, а на самом деле почти виртуозно точными, Дон Луис то и дело подает широким; невозможно сразу опознать неловкости, на которые способен Жоде. И неловкости эти оказываются сильные бреттерского искусства Дон Луиса... Зрители — аккомпланруют этой сцене смехом... «Смеху, не пропусту какого-нибудь движения, взгляда, жеста, ты же сам видишь, как все это остроумно и весело» — так приблизительно можно расписать неловкости, улыбки, которые обмениваются в зале, следуя естественному желанию человека подпитаться своими чувствами с другими людьми...

Я УЖЕ говорил, что в «Луцаферул» великолепно «работают» с воображением расчлененными. Зрители, за кулисами («Чертова мельница») в исполнении И. Унгуряну, который играет Отшельника, можно показывать в концерте, как блестящий пантомимический номер: кулачки, вы понимаете, по сцене не летают, а несколько слов и межкомедий, которые артист произносит, в данном случае значения не имеют.

Примером блестящего комедийного мастерства и актеров «Луцаферул» можно привести сыльно утло.

На слова я еще не сказала об актрисах этого театра — Е. Малчок, Н. Мокрич, М. Дони, Н. Дони, В. Ишечу, не всех, к сожалению, мне удалось посмотреть.

У меня нет возможности ни об одной из них рассказать подробно; рассказать о том, как актрисы эти талантливы, красивы и очаровательны, как идеальны опереточные примамы. Но главное — они уме хорошо играть и это очень много.

Комедийные спектакли «Луцаферул» очаровывают яркостью, духовным здоровьем, молодостью и просто витализмирующим жизнелюбием и весельем. Меланхолически настроенному человеку, перефразируя известные строки Пушкина, можно посоветовать: «Отупеюли шапканского бугайку яля...» посмотри спектакль «Луцаферул»!

Но «Луцаферул», сколько мне известно, не предполагает стать театром комедии. Однако можно создавать впечатление, что дело к тому идет. И как ни странно, мысль эта пришла

я подумала в том, что, например, написание и постановке «Велю Милосердия» в «Луцаферул» играют, и, впрочем, извительно, изобретательно, остроумно, найдут они, я уверена, в «точках соприкосновения» этой классической пьесы с современностью... Гораздо более трудным творческим испытанием, мне кажется, будет пьеса о Сергее Лазо (вероятно, это будет героико-романтическая пьеса), которую правительству поставит и поставителю Советской власти... Мысли эти — скорее предчувствия, чем обоснованные опасения. И разделяли они не только от протекания репертуарной афиши, хотя и она дает для этой некоторые основания. Судите сами. В. Александар «Сравнение из комедии», Шекспир «Шелдавет» пьеса, Ф. Шиллер «Коварство и любовь», П. Скаррон «Жоде — слуга и хозяин», Н. Гоголь «Женитьба», Б. Горбатюк «Отец юство», Я. Дрза, И. Шток «Чертова мельница», К. Кондра «Дети и обжоры». А. Рид «Девушка с большим ртом». Л. Устин и О. Табибо «Ньюмошница и семь тоном». А. Митрофан «Актор умрет сегодня».

Нетрудно заметить, что в репертуаре нет ни одного «клягара», нолого «обжорка», обобщенного сценным стримом.

Из разговоров с главным режиссером И. Унгуряну и заведующим литературой частью П. Сабин, из собственного небольшого по отношению к этому театру опыта у меня сложилось впечатление, что, принимая к постановке пьесу, луцаферульцы рассуждают приблизительно так: «Если мечтатели и будут мечтать о любви на всю жизнь». Наш молодой театр точно поддразнит эту человеческую мечту. Пьесы о большой любви наших современников, которая соответствовала бы нашим идеологическим представлениям, мы не ищем. Предлагать молодым нашим зрителям любовные драмы не желая, а посему ставим «Коварство и любовь», «вытгиваем», если возможно, тему простого человеческого счастья в «Девушке с большим ртом». «Молодость свойственно радоваться, смеяться, но мы не хотим портить вкус молодых наших друзей трескотом комедийных и ратчим из прошлых лет Шекспира, Александар Скаррона». Что ж, такая «полнота» внушает уважение.

Однако молодости еще свойственно и рывчивости, искать в искусстве ответы на волнующие вопросы современности. Пытаться отвечать на эти вопросы образам и театр. И какими бы современными и оригинальными ни было прочтение классической пьесы, современную ей все-таки заменять не может. Театр, не имеющий в своем репертуаре достаточного количества хороших современных спектаклей, рискует и потерять вкус и современность, потеряв влияние на молодых своих зрителей.

Нелегка творческая радость, если

молодежь будет приходиться в театр только для того, чтобы «воспитаться». Я сознательно сгущаю краски для того, чтобы явнее прозвучали мысли о социальном театре «Луцаферул» собиравшем репутацию тучи. Сожалею, что вместо назидания подолжших, по моему убеждению, для этого театра пьес я могу дать только несколько широко популярных советов: автор! больше искать новых авторов; быть терпеливым к уже действующим драматургам, которые работают по принципу «лучше хуже, чем совсем не работать»; изобретать и, что в литературе, пожалуй, еще так лучше «долгие, да лучшие»; активно следить за молдавской прозой (искусственики, известно, уже не раз полагали театрам поговорить о самом важном), постараться увлечь первоначников идей переводов драматургии союзов республик и пьес прогрессивных зарубежных драматургов...

Из этой сентенции, вероятно, уже ясно, что репертуар театра «Луцаферул» как таковой и не имеет. Молодежь театром (таким даже как Московский и Ленинградский театры имени Ленинского комсомола), успе-летворить «голом умя и сердца» молодежи, к сожалению, не может.

Слушайте современность, советовал Евгений Вагратович Вагратов, призывая искусство идти вместе с народом, творющим революцию. И, конечно же, молодые ученики его учеников должны идти в ногу с народом, творщим коммунизм. Актерам «Луцаферул» эта задача не плечу.

ТЕАТР — самое удивительное место на земле. Быть актером — самое увлекательное занятие в мире. По сути спектакльный театр «Луцаферул» это ощущение остается нолого.

Мне говорили, что в «Луцаферул» будет новое помещение или по крайней мере будет реконструирована сценическая коробка; говорили, что количество спектаклей по плану несколько уменьшится — у актеров будет времени для репетиций и работы над ролью; даже, обещали, изыскать возможности для того, чтобы в актуале имеющего к этому способности и вкуса актера учиться режиссуре. Унгуряну не может стать все спектакли. Театру необходимы если не постоянный режиссер. Плохо, если у столь талантливого ансамбля придет человек, у которого много творческих знаний и мало способностей, блестяще натренированный язык и атрофированное воображение (очень явче распространенный тип режиссера), огромное себелюбие и маленькое сердце.

Ужасно, если такой режиссер, замаравшая в холодничке своя рассуждений легко рывиную артистичность и творческую инициативу молодых художников, недрогнувшей рукой начнет им втискивать в прокрустово ложе сюжет, может быть, даже и очень эффектных штампов.

Луцаферульцы, возможно, и в склад обратили в свою творческую веру моллодого режиссера другой школы, но она, пожалуй, все-таки еще очень молода, чтобы сопротивляться опыному ремесленнику. Нет, нет. Пусть уж тогда «пренебреж» режиссеры о любовию ставят тот или другой спектакль. Пусть Унгуряну с юм падает от усталости, играя по вечерам спектакли, репетируя по утрам, занимаясь с учениками еще в кинотеатре «Сукот» и работая на новаторских роли и постановках, надо подлатать, по ночам...

«Луцаферул» вызывает неподдельное желание сделать для него что-нибудь хорошее: московский художник Ю. Трофимов «со товарищи» гравировал для театра эскизы внешнего оформления здания — недорогого и современного. Молдавский художник Г. Синичин подарил театру серию своих рисунков для украшения фойе...

Не могу не обратиться к драматургам, мастытам и начинающим, о просьбах, призывом, моллобы: если вы хотите, чтобы ваше произведение появилось на сцене «Луцаферул», талантливо, напичканно пьесу для театра «Луцаферул». Не пожалейте!

Н. РУМИНЦЕВА, спец. корр. «Советской культуры», КИШИНЕВ.